

Вероятно, театр — не самое удачное место для политических дискуссий. Но что поделаться — время такое. И беседа с главным режиссером Ленкома Марком Захаровым вылилась в размышления о судьбах российской интеллигенции и судьбах Отечества.

— В последние годы вы, Марк Анатольевич, в качестве политика не столь заметны, как прежде. Чем это объяснить?

— Как гражданин, представитель творческой интеллигенции, как руководитель одного из ведущих театров я иногда выступаю в печати, по телевидению и радио. Но, конечно, моя политическая деятельность носит спонтанный и непрофессиональный характер. Потому что еще будучи народным депутатом СССР я быстро понял: для серьезного занятия политикой, законотворчеством нужно быть профессионалом, иметь специальное образование и навыки. Просто хороший режиссер, мудрый академик или милый доктор — они, как правило, не могут быть политиками. Это дело требует особого склада ума, организации интеллекта. Бывают и исключения: Андрей Дмитриевич Сахаров параллельно с занятиями физикой был выдающимся политическим деятелем.

— Тем не менее интеллигенция самым активным образом участвовала в демократическом переустройстве жизни, многое сделала в конце восьмидесятых, а позже — чтобы остановить ГКЧП. Затем наступило некое разочарование. Не потому ли, что не были в полной мере реализованы идеи, с которыми она выступала?

— Вообще понятие «российская интеллигенция» очень сложное. Пожалуй, сложнее, чем нам казалось раньше. Десять лет назад вроде бы все мы были едины, разве что какие-то нюансы отличали позиции каждого. Потом, когда углубились процессы перехода из одной общественной системы в другую, многое изменилось. Если упростить, я бы отметил две традиции в судьбе российской интеллигенции, продолжающиеся по сей день.

Одна состоит в обязательной оппозиции — в отходе от контакта с властными структурами. И как крайность, которая, кстати, сыграла большую роль в нашей истории, — призыв Николая Чернышевского к топору. Любимый писатель Ленина, он оказал существенное влияние на характер вождя коммунистов и на его дальнейшие поступки. А к Чернышевскому примыкало большое чисто интеллигентное, настроенное по отношению к инструменту державного руководства нигилистически, конфронтационно, с опасным пренебрежением.

Есть и другая линия. Я не историк, поэтому мне трудно углубляться в эту проблему, но скажу так: великая реформация, предпринятая Александром II, — освобождение от рабства, судебная реформа, организация земства, некоторые другие новации — все это было связано с деятельностью таких выдающихся людей, как Жуковский, Сперанский, позднее — Тютчев. Волна государственной, общественной и духовной реформации была подхвачена Витте, Столыпиным. Я могу назвать еще многих людей, кто занимал активную позицию созидания, шел на контакт с властью и воздействовал на нее. В одиночестве, без опоры на громадный интеллектуальный потенциал, который ему сообщили русские интеллигенты, Александр II не смог бы провести величайшие преобразования конца прошлого столетия.

К сожалению, затем восторжествовали нигилистические тенденции. Героем стал Нечаев — тот самый экстремист-романтик, который оказал воздействие на Федора Михайловича Достоевского, написавшего на нечаевском материале пророческий роман «Бесы». Часть интеллигенции увлеклась людьми, несшими разрушение. Слишком поздно понял это Горький в своих «Несвоевременных мыслях». Он ведь очень поддерживал большевиков — и морально, и материально. Да и многие русские предприниматели страдали тем же, не

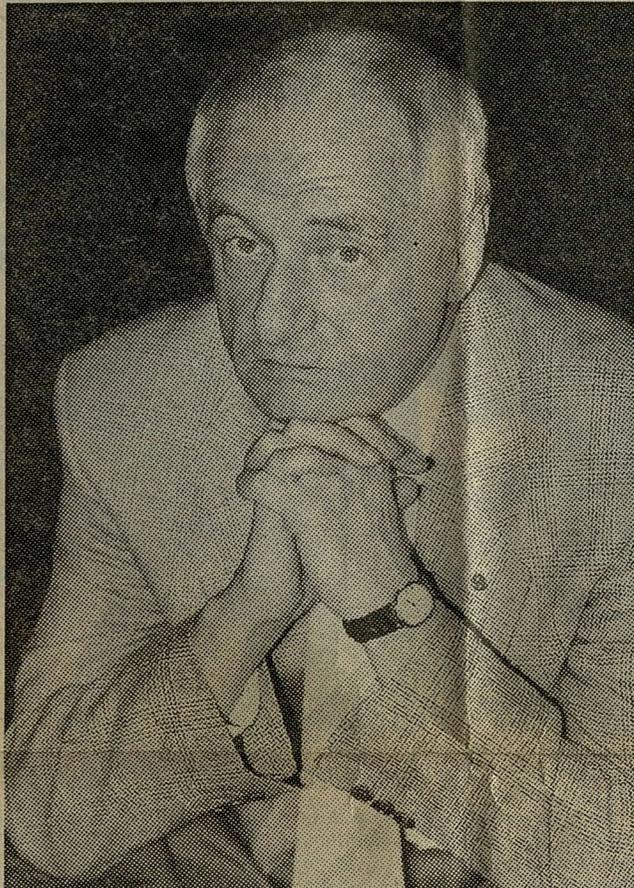
вый режиссер, то какую-то часть своего продукта я должен отдать тем, кто не имеет возможности удачно трудиться. По возрасту или по состоянию здоровья. Понимание того, что нельзя и дальше разводить уровни жизни — на сверхвысокий и сверхнизкий, не достой-

Это принесло ощущение некоей радостной эйфории, которая у меня лично продолжается. Я с удовольствием работаю, понимая, что никто не будет мне указывать — эту реплику надо вычеркнуть, а это название убрать. Сейчас, когда можно прочесть и увидеть практически

менклатурное лицо, получил возможность снимать государственную дачу. Правда, мне она не понравилась. Но я понял искушение, которое переживают многие номенклатурные деятели, когда их подпускают к кормушке. К тому же есть люди, которые перебираются в но-

Я НАДЕЮСЬ

МАРК ЗАХАРОВ:

прогнозируя, к чему это может привести.

Вот почему вопрос о позиции интеллигенции, ее роли и значении весьма не прост. И для меня лично он распадается на такие две линии. Конечно, я должен вспомнить и замечательных наших философов Бердяева, Соловьева, Флоренского, Лосева, Вернадского. Если говорить о сегодняшних днях, можно опять привести пример Андрея Дмитриевича Сахарова — это та интеллигенция, которая не боялась столкновений и дискуссий, шла на контакт с властью и воздействовала на нее. Мне кажется, что деятельность Сахарова во многом повлияла на позицию Бориса Николаевича Ельцина.

— В связи с вашим экскурсом в историю я вспомнил «Философию общего дела» Федорова с его идеей воскрешения предков. Тогда возникла проблема расселения людей, которую блистательно решил ученик Федорова Циолковский. Иными словами, великая нравственная идея рождает открытия, определяющие направления развития всего человечества. Весь вопрос в том, какой именно идее будет отдано предпочтение. Интеллигенция между тем пребывает сейчас в некотором смятении.

— Я думаю, те зачатки общепланетарного мышления, даже не зачатки — серьезные импульсы, которые задал Сахаров, пытаясь воздействовать на советское руководство, найдут продолжение. Планета столкнулась с серьезной угрозой: Чернобыль, озоновый слой, качество воды и воздуха... Поэтому очень важна психологическая перестройка, развитие способности думать об общечеловеческих проблемах.

Другая сторона вопроса: да, в свободном обществе каждый должен отвечать за себя, дерзать, добиваться личных больших успехов. Но если я, допустим, удачно

человека, — еще не охватило наше общество. Может быть, это лучше многих понимает мэр Москвы Юрий Лужков, который в ущерб, возможно, развитию экономики города бросает большие ресурсы на социальные программы. Хотя один город в огромной стране не может сделать погоду и видоизменить общество.

Что касается смятения — да, оно всегда присутствует в нас. Есть великие образцы самопознания — «Обломов» Гончарова, произведения Достоевского, других выдающихся литераторов. В российском характере заложены некоторые химеры, они иногда загоняют нас в спячку, вызывают апатию. Но мне кажется, что сейчас, когда снова решается судьба нашего будущего, когда мы выбираем отнюдь не Ельцина или Зюганова, наоборот, происходит некоторая активизация наших усилий. Правда, не всегда она реализуется в достаточной степени.

Приведу конкретный пример. Студия Никиты Михалкова сделала замечательный сериал о трагических страницах нашей новейшей истории. Документальные фильмы объединил ведущий, прекрасный артист Алексей Петренко. Но почему-то руководством российского телевидения сериал был задвинут на глубокие ночные часы. И его не смогли посмотреть те, кому полезно приобщиться к собственной истории, понять, что это за явление — Сталин. В этом проявились отсутствие гибкости, непрофессионализм.

— Кстати, вы сейчас заняты исключительно театром или есть идеи кино-, телепроектов?

— Уничтожение цензурного партийного аппарата, который страшно корежил жизнь и искусство — драматурги не создали классику, исключая разве прорыв Булгакова и некоторых других отдельных людей, — великое благо для художника.

все, намного труднее создать произведение, которое бы удерживало зрительское внимание, поскольку работа неизбежно соизмеряется с уровнем мирового искусства, но работать сегодня намного интереснее. Последние спектакли нашего театра, которые пользуются большим спросом и получили много наград — «Королевские игры», «Безумный день, или Женитьба Фигаро», «Чайка», — говорят о том, что нам удается привлекать зрителей.

И вот, несмотря на перегрузки, которые испытываешь в театре, бросаться еще и в кино, причем предвидя ситуацию, когда можно начать снимать и затем из-за нехватки средств остановиться, — это страшно, у меня такого мужества нет. Недавно наш выдающийся кинорежиссер Алексей Герман поделился со мной, что снял девяносто процентов своего нового фильма, а на оставшиеся десять не хватает денег...

И на телевидении постоянно что-то меняется, нет надежности: только ушло старое руководство, как возникает какая-то новая перегруппировка, поэтому туда ходить тоже страшно. Я жду стабильности, чтобы потом что-то попробовать сделать. Хотя, не скрою, здесь есть субъективные трудности. После «Обыкновенного чуда», «Мюнхгаузена», «Формулы любви» меня засыпали сценариями однотипного характера. Но самоцитирование весьма опасно. Один из моих театральных девизов — уходить от зрительского прогноза. Я понимаю, что не прыгну выше головы, останусь режиссером Захаровым, но все-таки в театре я могу ставить Чехова, а потом неожиданно оперу для драматического театра.

— Вы коснулись ситуации на телевидении. По-моему, ее в известной степени можно объяснить номенклатурными играми. Вас, вообще говоря, не раздражает эта проблема старой партийной номенклатуры?

— Многие, конечно, раздражаются. С другой стороны, отодвинуть всех, кто состоял в компартии, и заменить их на новых людей — боюсь, у нас нет таких ресурсов. Наш интеллектуальный потенциал ведь очень пострадал. Если бы сохранились темпы прироста населения, которые сформировались в начале столетия, а я опираюсь на мнения многих демографов, если бы не было братоубийственной гражданской войны, репрессий, коллективизации — всех ужасов, через которые мы прошли, нас сейчас должно было быть четыреста миллионов. Почти в три раза больше! То есть мы пережили громадный удар по интеллектуальному потенциалу нации.

К тому же и номенклатурой становились разные люди. Например, не очень мне было приятно, но тем не менее, когда мне сказали — если хочешь получить театр — вступи в партию, я вступил. И через два месяца меня назначили главным режиссером — таковы были условия игры. Те, кто умел и хотел работать, очень часто должны были входить в номенклатуру. И я, как но-

вую ситуацию, корректируя собственное поведение, мышление, приобретая новые навыки.

— Попробую задать вопрос еще резче: вам не жаль, что в 91-м году не удалось запретить коммунистическую партию и принять закон о лustrациях?

— Наверное. Тогда многое было возможно, что невозможно сейчас. Но я стараюсь подавить в себе всякую неприязнь и ненависть. Вот Геннадий Андреевич Зюганов, я допускаю, человек умный, достойный уважения. Но если бы он отказался от сталинских и ленинских доктрин, пошел бы собственной дорогой, отчасти напоминающей ту, по которой пошли Чехия или Венгрия, создал бы партию социал-демократической ориентации, я бы это приветствовал. Хотя все равно отдал бы предпочтение Ельцину, Явлинскому или Лебедю. Потому что социалистическая доктрина дала очень страшные крайности — коммунизм и фашизм. А я уверен, что эти идеи себя исчерпали, как исчерпала себя идея рабства. Но я согласен, крайности должны быть запрещены. Особенно у нас, где очень трудно дается право. То есть правовое мышление как-то в генетике не очень хорошо проработано, мы не понимаем, где кончается свобода и начинаются войны, переходящие в анархию и беспредел.

К слову, мне кажется, что Борис Николаевич Ельцин очень многое сделал и во время ГКЧП, и во время других экстремальных событий благодаря тому, что в дополнение к своим качествам, которые я очень высоко расцениваю, он обладает некоей силой номенклатурного гипнотического воздействия.

Мне врезался в память один эпизод. Когда Ельцин выходил из партии, пока он смотрел людям в глаза, никто не пошевелился, все было, как кролики перед удавом, заморожены его силой и мощью. Только когда он неосторожно повернулся спиной — много способов выйти из зала не было, — только тогда начали кричать, свистеть, попытались укусить его в спину. Но когда он смотрит в глаза, никто не решается.

И сейчас я понимаю, что Ельцин, может быть, далеко не идеальная фигура, некоторые его поступки и акции могут вызывать раздражение, но я думаю, что очень важно ощутить перспективу. Например, ту, которую реально проявил в контакте с нашим президентом Александр Иванович Лебедь. И поддержать тенденцию на продолжение, развитие и одновременно видоизменение стратегии и тактики наших реформ.

Наверное, Александр Лебедь — человек, с которым мы не будем дружить домами. Но он вызывает у меня безграничное уважение, и я понимаю его историческую необходимость.

— Как вам кажется, время бесов прошло?

— Думаю, надеюсь, что да.

Беседу вел Олег ОСИПОВ. Фото Валерия УТЦА.

P.S.

В Ленкоме идет работа над двумя премьерными. Первая — сценическая композиция на темы «Игрока» Федора Михайловича Достоевского, в которой заняты ведущие артисты — Олег Янковский, Инна Чурикова, Леонид Броневой, Александр Абдулов, Александр Збруев и другие. Вторая — «Брат Чичиков» по пьесе Нины Садур. Это фантазия на темы «Мертвых душ» Николая Васильевича Гоголя.